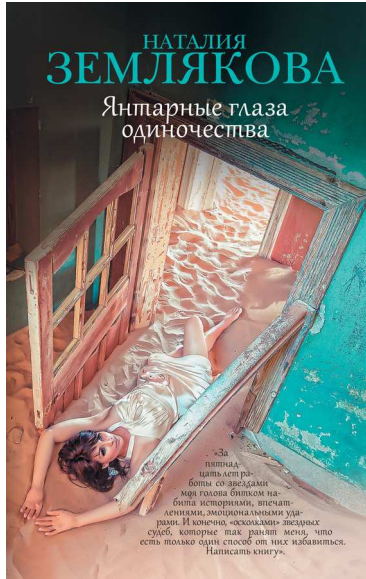

НАТАЛИЯ
ЗЕМЛЯКОВА

Янтарные глаза
одиночества

«За
тысячи
цель (спра-
боты со звездами
мне голова билаком на-
била историями, впечат-
лениями, эмоциональным уда-
рами. И конечно, «сказки» писателей
судьбы, которые так ранят меня, что
есть только один способ от них избавиться.
Написать книгу.»

Наталья Геннадьевна Землякова
Янтарные глаза одиночества

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7206007

Землякова, Наталья Геннадиевна Янтарные глаза одиночества: [роман]: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-082616-2

Наталия Землякова

Янтарные глаза одиночества

Иду по песку, оглядываясь,
А ветер заносит мои следы.
Но песок преследует меня.
Человек, не забудь зов,
Идущий из глубины песка...

Стихи пастора Д.Ф. Зудноховиуса. Деревню, в которой он жил в XVIII веке на Куршской косе, занесло песком, и она бесследно исчезла

Я не стремлюсь к совершенству. Главное для меня – никогда не останавливаться.
Девиз одного из самых модных нью-йоркских декораторов Мюриэль Брандолини

Землякова, Наталия Геннадиевна

Янтарные глаза одиночества: [роман] / Наталия Землякова. – Москва: АСТ, 2014. – 350, [2] с.

ISBN 978-5-17-082616-2

Идеальная дочь влиятельного отца. Лучшая на свете – самая умная, самая красивая. Но однажды она стала еще и самой упрямой: захотела сама решать свою судьбу и выбирать сердцем, не считаясь с родительскими планами... Тридцатилетняя мечтательница и идеалистка, она ищет любовь, но та, словно в насмешку, всё время утекает сквозь пальцы, как морской песок. Но разочарования только укрепляют желание быть счастливой – и судьба преподносит царский подарок. Только как бы не повторить прежние ошибки, ведь мечты далеки от суровой действительности...

Новый роман Наталии Земляковой, известной широкой публике благодаря работе в «ELLE», экранизациям и театральным постановкам, – о том, как найти не только любовь, но и себя...

Песка было много – мерцающего, словно белое золото, ласкового, как шелк, и очень теплого. Но Мишель знала, что нежность эта обманчива и совсем ненадежна. Если набраться сил и снять верхний слой, то под ним окажется совсем другой песок – холодный, влажный и очень тяжелый. Впрочем, чтобы добраться до него, даже ничего и делать не нужно – в любой момент может налететь ветер, пойти такой привычный для здешних мест бесконечный холодный дождь, и нежный песок тут же исчезнет. Как будто его никогда и не существовало в природе...

Но думать об этом Мишель не хотела. Она лежала, закрыв глаза и раскинув руки, на непривычно горячем песке Балтийского побережья, стараясь забыть о том, ради чего приехала на бескрайний и пустынный пляж на Куршской косе.

Приехала одна. Ведь никто не должен был помешать ей сделать то, что она задумала. Сжечь свое прошлое. Вернее, не все. А только последние десять лет.

Правда, пока Мишель шла сквозь дюны по раскаленному песку, с восторгом прислушиваясь к громкому шепоту моря, который становился все ближе и ближе, смелость понемногу покидала ее.

Мишель поднялась на дюну и огляделась. Вокруг была «нарисована» бесконечность самого изысканного на свете цветового сочетания – серо-голубое море, пронзительно-синее

небо и песок чудесного золотисто-янтарного оттенка. Только не того янтаря, который всем знаком, – коричневого, с оранжевым отливом, словно его густо замешали на осенних листьях, а потом вынесли на холод и заморозили. Нет, это был оттенок самого дорогого янтаря – почти белого, с легким перламутровым отливом. Его еще называют «королевским». И почему-то изделия именно из такого янтаря всегда выглядят немного старомодно. «Надо использовать подобный прием в одном из ближайших проектов, – подумала Мишель. Вот только как умудриться и передать все нюансы в интерьере? Даже в реальной жизни невозможно надолго зафиксировать подобную “картину”. Ведь без подходящего освещения она исчезнет. Скроется солнце, и море сразу превратится в бурлящую сталь. Небо ляжет на голову серым щитом. И только песок выдержит это испытание. Он, конечно, потемнеет на несколько тонов, а оттого станет похож не на белое золото, а на более привычное желтое. Правда, состаренное, без блеска и бывшего глянца. Но все равно о нем можно будет сказать, как и прежде – «золотой песок». Ведь самый главный его враг вовсе не исчезнувшее солнце, а ветер, который один только и может уничтожить его, раздувая по миру, песчинку за песчинкой, одну за другой. Наверное, в этом и заключается главная сила морского песка – он может исчезнуть, может резко утратить свою нежность, но в грязь не превратится никогда».

Она сбежала к пляжу по шаткой деревянной лестнице и упала спиной на горячий песок, который не обжег ее, а нежно принял в свои объятия. Так, стараясь ни о чем не думать, она лежала, потеряв счет времени. Из блаженного равнодушия ее вывел шум голосов. По пляжу шла неизвестно откуда взявшаяся семья – мама, папа и маленькая девочка. Такая маленькая, что одета она была не в купальник, а в трусики. Правда, девичьи, ярко-розовые. В первую минуту Мишель расстроилась, что ее одиночество так неожиданно оказалось нарушено. Ведь, прежде чем ехать на встречу с очень важным клиентом, она должна была успеть сделать то, на что у нее так долго не хватало сил.

Девочка в ярко-розовых трусиках подбежала к кромке воды и со всего размаху бросилась в воду. Но тут же выскочила из воды и с криками: «Папочка, она ужасно холодная!» бросилась к отцу. Высокий загорелый мужчина засмеялся, подхватил дочку на руки и стал говорить, что, мол, в воду надо входить постепенно, шаг за шагом. Что это не Черное море, не Средиземное, а Балтийское. Но девочка ему не верила и твердила: «Если это море, то должно быть теплым. А иначе оно ненастоящее». Но отец, улыбаясь, вошел в море и начал потихоньку опускать девочку в воду. Сначала она кричала, била руками по воде, а потом затихла, успокоилась в сильных руках отца. Поверила.

Мать, тоненькая, как фотомодел, с улыбкой наблюдала за происходящим и расстилала на песке белое махровое полотенце.

Мишель, вздохнув, поднялась с песка и несколько раз тряхнула головой. Но все было бесполезно. Ее длинные темные волосы были словно присыпаны сверкающей пылью. И это смотрелось даже красиво. Но Мишель знала, что тоже ненадолго. «Наверное, перед встречей не успею голову вымыть, – подумала она. – Придется идти с грязной. Или заколоть волосы, чтобы не сразу бросалось в глаза, что голова полна песка». Нет, ей не жаль было своих роскошных волос, она давно загадала – как только ей исполнится тридцать лет, отрежет их. Ей всегда казалось странным, когда взрослые женщины носили длинные волосы. Было в этом что-то неестественное. «Вернусь в Москву и сразу пойду в салон», – подумала Мишель.

Она открыла огромную сумку из мягкой, как алый бархат, кожи и достала пачку писем, перевязанных красной шелковой лентой. Вернее, это была не лента, а образец ткани для обивки стен, который она когда-то взяла, чтобы показать своим самым первым и самым капризным клиентам. А потом использовала как ленточку, перевязывая письма, адресованные отцу. Она писала десять лет. В год по одному. Но ни разу так и не отправила. Она и сама не знала, зачем пишет. Особенно в последние несколько лет. Но Мишель верила в их силу. Вдруг станет легче? Вдруг все вернется? Ведь никто не любил Мишель так, как отец.

И никто не смог удивительно быстро, в один миг, разрушить ее жизнь. Так ветер без следа уничтожает замок, построенный из песка. Отцу удалось это сделать с помощью всего одной лишь фразы: «Мишель, этот человек нам не походит. Я все понимаю, но моя дочь и этот жалкий субъект не могут быть вместе ни одной секунды». Мишель прикрыла глаза, ей показалось, что она снова слышит голос отца, сильный и уверенный. Самый надежный голос в мире. По крайней мере, именно так ей казалось в первые двадцать лет жизни.

А сейчас она приехала на берег Балтийского моря, чтобы сжечь письма. Чтобы от них ничего не осталось, только пепел.

Маленькая девочка, покрасневшая от прохладной воды, выбежала из моря и плюхнулась на песок. Мать начала доставать из пакета какую-то еду. Отец в это время плавал вдалеке от берега – там, где поглубже. И Мишель поняла, что подходящий момент все-таки упустила. Не могла же она на глазах у девочки в розовых трусиках развести костер и бросить в него письма. Ее родители точно подумают, что Мишель сумасшедшая. А девочка ужасно испугается.

Но, даже смирившись с тем, что выполнить задуманное не удастся, Мишель не хотела уходить с пляжа. Ведь сегодня был один из самых драгоценных сентябрьских дней на Балтике, тот, который на вес золота – теплый, тихий и убаюкивающий своей неяркой красотой. И пока не налетел ветер, пока не пошел дождь, надо успеть в полной мере им насладиться. Мишель снова села на песок и попыталась развязать узел, туго затянутый на стопке писем. Как известно, завязать намертво почти не стоит никаких усилий. А вот развязать потом – почти невозможно. Мишель поняла, что придется рвать. Но дорогой шелк с первой попытки не сдался. Пришлось приложить усилия, прежде чем он с треском лопнул. И это был неприятный звук. Как выстрел.

Мишель бросила письма на песок, и они легли, как веер, декорированный только лишь датами: 2005, 2001, 2008, 2006, 2003...

Она нерешительно взяла в руки то, на котором были размашисто и слегка небрежно написано число – 2000.

Это было первое и единственное письмо, сочиняя которое, она втайне верила – тот, кому оно адресовано, прочтет его. И может быть, иронично улыбнется. Так, как умел улыбаться только ее отец. Но тогда она была еще наивна, ведь со дня их ссоры прошло всего три месяца, и Мишель была почти уверена, что это всего лишь временное недоразумение. Тогда она даже не подозревала, что трещина, так внезапно разделившая их, с каждым днем будет становиться все шире. Что они, как однажды расколовшаяся надвое льдина, уже никогда вновь не станут единым целым. Одной семьей – мама, папа и Мишель.

Она достала из конверта слегка пожелтевший за десять лет лист бумаги, который вдруг зашелестел в руках. Все-таки, несмотря на чудесную погоду, ветер на берегу моря был довольно сильным. Мишель испугалась, что он сейчас вырвет у нее из рук этот листок. А ведь она даже не помнила, что писала тогда. Как давно это было! За эти годы она стала совсем другой. И в этом нет ничего удивительного. Той Мишель было двадцать лет. Нынешней – тридцать. И это были две совсем не похожие друг на друга женщины.

«Папа, неужели ты и сегодня, увидев моего избранника, сказал бы те же слова: “Этот тип и ты, моя дочь, никогда не будут вместе. Потому что он ломает тебе жизнь”», – грустно улыбнулась Мишель.

Она сняла очки с огромными темно-коричневыми стеклами, села так, чтобы солнце не слепило глаза, и развернула письмо. У нее вдруг появились силы на то, чтобы «прочитать» свою прошлую жизнь заново. Но Мишель хотела взглянуть на нее глазами взрослой женщины, а не маленькой девочки. И сейчас у нее были самые надежные помощники в мире – море и песок.

Глава 1
2000 год

Папа, ты не прав. Я повторю тебе это сотни раз. Но ты, увы, все равно, скорее всего, меня не услышишь. Ты всегда был уверен, что я – идеальная дочь. Самая лучшая, самая умная, самая красивая. А вот теперь я стала еще и самой упрямой. Но ты ведь сам так часто повторял, что любому человеку надо дать шанс. Надеюсь, ты имел в виду не только своих подчиненных? Тех, которые всегда смотрят на тебя с восхищением, потому что ты ведь тоже «самый-самый». Самый успешный, самый красноречивый. И самый модный адвокат, по мнению журналистов. А как потрясающе ты смотришься на телеэкране! Умный, убедительный, артистичный. Тобою восхищаются все, но особенно женщины, которые то и дело появляются рядом с тобой. И трудно не заметить, что они становятся все моложе и моложе. Мне тоже иногда хочется сказать: «Папа, они тебе не подходят». Но я молчу. Как молчит и мама. А что мы можем тебе сказать? Чем удержать? Обвинениями? Смешно. Ведь ты давно убедил нас в том, что каждый твой поступок может вызывать только одну-единственную оценку – восхищение. Извини, я, кажется, начинаю грубить. Но я не для этого пишу тебе письмо. Папа, прошло три месяца с того самого дня, как я видела тебя в последний раз. И все, что случилось, кажется мне чудовищным недоразумением. Как такое вообще могло произойти? Итак, давай еще раз восстановим, так сказать, хронологию событий. У меня был день рождения. И на торжество съехалось множество людей – твои друзья, твои бизнес-партнеры. Но я не удивилась, ведь так было всегда. С самого раннего детства. На любой мой день рождения приезжало море людей, желавших поздравить тебя с праздником единственной дочери. И подарки всегда были двойные – что-то очень ценное для тебя и что-то забавное – для меня. Правда, чем старше я становилась, тем больше мне дарили ювелирных украшений. Иногда, признаться, очень дорогих и очень старомодных. Но я была воспитана тобой, лучшим отцом в мире, а потому точно знала, как я должна принимать все эти ненужные мне подношения – с вежливой улыбкой, с восторгом, иногда слишком фальшиво сыгранным. Что делать, я действительно плохая актриса. Поэтому, когда ты спросил меня о том, кто придет на мое двадцатилетие, я перечислила всех известных тебе моих друзей и подруг. И добавила, что пригласила Никиту. Ты кивнул, а потом как будто между прочим переспросил, верно ли ты расслышал его фамилию – Березин?

Я никогда не забуду этот осенний день, 3 сентября. Я вышла утром в сад и оторопела: все деревья были усыпаны красновато-коричневыми листьями, как будто за ночь их внезапно поразила ржавчина. Ты сидел на веранде и ждал меня. Поздравил, взял за руку и повел в гараж. «Смотри, Мишель, ты ведь о таком мечтала?» – сказал ты и поцеловал меня в щеку, ожидая, что, увидев такую роскошную машину, я непременно брошусь тебе на шею. Я не обманула твоих ожиданий. Хотя, признаться, цвет автомобиля мне не понравился. Но ты почему-то решил, что вишневый «мерседес» – это именно то, что мне нужно. Именно о нем я должна мечтать. В какой момент ты стал ошибаться, «считывая» мои мечты? Но я, лучшая дочь в мире, не могла тебя разочаровать, а потому не сказала, что буду ужасно неловко себя чувствовать, подъезжая на таком яростно-буржуазном авто к дверям Строгановки. Лучше бы ты купил мне «мини-купер» моего любимого алого цвета. Но крошечный дизайнерский автомобильчик давно был вычеркнут тобой из списка предполагаемых машин для любимой дочери с диагнозом – «слишком маленький, слишком ненадежный».

Скажи мне честно, папа, какой диагноз ты поставил Никите Березину? Почему, усаживаясь на заднее сиденье своего монументального, как танк, черного автомобиля, ты как будто вскользь бросил: «Мишель, только прошу тебя, чтобы сегодня вечером у нас дома не было этого, как его, Березина. Я потом объясню тебе, почему...» И ты уехал – покорять новые вершины, на которые для нас с мамой вход навсегда был закрыт. Просто потому, что мы – женщины и ничего в этом не понимаем. А мы и не спорили. Мы действительно ничего не

понимаем. Ни мама, которая всегда мечтала быть оперной певицей, но стала твоей женой. Ни я, которая всегда мечтала быть художницей. И надо отдать тебе должное, наши мечты ты уважал – мамину, которая, увы, не сбылась, и мою, которая имела все шансы на то, чтобы стать реальностью.

Вечером ты устроил самый лучший в мире прием по случаю моего дня рождения. Гости были в восторге. Оценить размах праздника смогли все, кроме одного-единственного человека, которого твои охранники даже не пустили в дом. Я ждала Никиту до последнего момента. Нет, я не очень сильно волновалась. Я была уверена, что его задержали на работе. У них ведь так на телевидении – то срочный репортаж, то еще что-то. Особенно, если ты никакая не звезда экрана, а простой корреспондент. Папа, неужели ты не пустил его на свою «территорию» только потому, что он обычный корреспондент, парень, который приехал из маленького города, чтобы добиться успеха? И вдруг влюбился в твою дочь! Слушай, ты никогда не говорил мне, что ищешь для меня принца. Тебе было достаточно того, что я – принцесса. Так я, по крайней мере, думала до этого вечера, последнего общего вечера в нашей с тобой жизни. Когда гости разошлись, ты заметил мои заплаканные глаза и начал орать. Ты орал так, как не позволял себе никогда в жизни. Мама даже закрыла уши ладонями – конечно, у нее же музыкальный слух, его так легко повредить. Я плакала, потому что мне наконец-то дозвонился Никита и сказал, что твоя охрана отогнала его от ворот, как бездомную собаку. Нет, не правильно – собак ты всегда любил, жалел и подкармливал. А вот Никиту вышвырнул. Я попыталась тебя спросить почему, но ты начал кричать какие-то совсем непонятные фразы, что, мол, ты все знаешь. Что раньше людей с такими наклонностями в тюрьму сажали, а сейчас они имеют наглость ухаживать за красивыми девушками. Папа, я не могла тебе сказать в этот момент, что Никита не только ухаживает за девушками, но и спит с ними. По крайней мере, с твоей дочкой – точно. Но я побоялась, что, узнав об этом, ты вообще уничтожишь его. Но зачем? Я не знаю, какую информацию о Никите раскопала твоя служба охраны, но я попыталась защитить его, сказав, что он – самый умный, самый талантливый, самый упорный человек, которого я когда-либо знала. Ты ничего не хотел слушать, только спросил, где он меня подцепил? Господи, я никогда не думала, что ты сможешь использовать такие слова в отношении своей дочери. Разве принцессе можно «подцепить»? Впрочем, наверное, в этот момент я перестала быть для тебя принцессой. Ты сказал, что если я буду стоять на своем и общаться с этим «уродом», то могу убраться вон. И ты никому на свете не позволишь использовать твою дочь как «трамплин».

Интересно, когда ты произнес эти слова «убирайся вон», ты предвидел, что произойдет дальше? Наверное, нет. Что ж, даже у самых опытных адвокатов бывают поражения, потому что они неверно просчитывают действия противника. Ты думал, что я поднимусь на второй этаж, сниму свое прекрасное платье и буду плакать. Да, я так и сделала – пошла в свою комнату, переделалась и начала собирать вещи. Мне кажется, что ты перестал бы меня уважать, если бы я полностью выполнила твой сценарий. Поэтому я и добавила в него немного импровизации. Если честно, я чувствовала себя воровкой, когда складывала в пакет драгоценности, подаренные твоими важными гостями. Но чуть позже все эти серьги-кольца мне оченьгодились. Правда, сдавая их потом в ломбард, я сделала удивительное открытие – они очень дороги, когда их покупают тебе в подарок состоятельные люди, и довольно мало ценятся, когда ты их продаешь, чтобы купить себе еды, заплатить за комнату.

Знаешь, папа, в первые дни я почти не сомневалась, что ты за мной приедешь. И очень боялась, что, увидев комнату Никиты в коммуналке, начнешь его унижать. Мне было бы жутко неловко – ведь я люблю его. Правда, правда. Но ты не приехал. Может, это и к лучшему? Но я никак не могу понять, за что ты все-таки выгнал меня? И главное, никак не могу перестать обижаться на тебя. Словно мне не двадцать лет, а всего пять.

Если тебе интересно, мы живем нормально. Никита много работает. Я учусь. Скоро сессия. А так вроде ничего нового. Мама говорит, что у тебя по-прежнему полно дел и дома ты почти не бываешь.

Жаль, что этот Новый год мы, скорее всего, не встретим вместе. А как было бы здорово – ты, я, мама и Никита. Мы бы, как обычно, украсили елку в саду и пили ровно в двенадцать часов возле нее шампанское. А потом потянулись вереницей твои гости. Но ничего страшного. Мы с Никитой пошли бы гулять в лес. Очень жаль, что так, скорее всего, не будет. А вдруг?..

Мишель еще раз пробежала глазами строчки, написанные аккуратным почерком, и медленно разорвала лист на мелкие клочки. Один случайно вырвался из ее рук и полетел, как белый мотылек, в сторону джун. Мишель бросилась за ним вдогонку, еле поймала и увидела, что на нем написано одно слово – «Никита». Даже вне всякого контекста оно вызвало в ней приступ отчаяния, которое всегда возникает в тот момент, когда ты понимаешь, как был прав тот, кого ты наивно считала своим врагом. Никита исчез из ее жизни ровно через месяц после того, как она написала отцу первое письмо.

Двадцатилетняя Мишель плакала и ничего не понимала – они с Никитой почти не виделись, но постоянно ссорились. А потом он просто выгнал ее из своей убогой, с дырявыми деревянными полами комнатки в коммуналке.

Тридцатилетняя Мишель, которая сейчас сидела на берегу моря, все понимала – она не оправдала его надежд. Никита находился на самой низкой отметке своего столь желанного взлета, и ему совершенно не нужна была девушка, которая вдруг неожиданно оказалась в той же точке отсчета.

Сейчас Никита Березин был одним из самых известных телеведущих страны, и на всех светских мероприятиях его сопровождали очаровательные юноши. Впрочем, Мишель это давно не волновало. Она даже не удивилась, когда Никита пару лет назад позвонил ей в офис и попросил сделать ремонт в его новой квартире. Но Мишель отказалась, сказав, что очень занята. И это было правдой.

2001 год

Папа, ты никогда в жизни не догадаешься, что я сейчас делаю. Я собираю «пасьянс» – нет, не тот, о котором ты подумал. Я собираю пасьянс из образцов ткани для портьер, для обивки мягкой мебели. То есть выбираю текстиль для интерьера. Знаешь, это очень увлекательное и успокаивающее нервы занятие. Ткани так приятно трогать, прикладывать одну к другой, выбирать наилучшее сочетание – по цвету, по фактуре. А еще по запаху. Ты не поверишь, но холодный аромат шелка отлично подчеркивает терпкий, почти шипровый, запах шерсти (и, кстати, этот аромат напомнил мне твой любимый парфюм). А вот бархат имеет настолько удушающий запах, что почти ни с чем не хочет сочетаться. Правда, я попробовала «смешать» его с хлопком, который, если чем и пахнет, то только свежим воздухом. Получилось, по-моему, неплохо.

Ты смеешься? Мол, что за глупости я пишу тебе? Не сошла ли я с ума? Ты ведь всегда говорил мне, что я слишком много фантазирую и вообще живу нереальной жизнью. Так вот, папа, свершилось! Твоя дочь погрузилась в самую что ни на есть реальную жизнь. Уже больше шести месяцев прошло с того момента, как я работаю. Да, да, я – работаю. Встаю каждое утро в семь часов и отправляюсь в офис. Нет, нет, шучу, все не так страшно. На работу я хожу не раньше чем к одиннадцати часам. Ну же, догадайся, где и кем я работаю?

Ладно, не буду тратить твое такое драгоценное время и скажу сразу. Я работаю помощником Марины. Помнишь ее? Неужели забыл? Она еще делала нам дома небольшой ремонт три года назад и почему-то постоянно ругалась с мамой. Вернее, это мама спорила с Мари-

ной, потому что ей ничего не нравилось из предложенного дизайнером. А тебе все нравилось. Я тогда удивлялась – как странно, обычно ты бываешь более капризен и привередлив. Но теперь, папа, мне кажется, что я поняла секрет – тебе нравилось не то, что предлагала Марина, а нравилась она сама. Ничего удивительного. Высокая, стройная, почти натуральная блондинка с большими голубыми глазами. И очень энергичная. Помнишь, как она стремительно взлетела по металлической лестнице почти к потолку, желая повесить портьеры так, как она считала нужным. Ты тогда так смеялся, как будто она очень удачно пошутила. А мама стояла рядом и командовала: «Марина, надо немного левее, нет, теперь справа не равномерно сборка лежит...» В какой-то момент мне даже показалось, что дизайнерша сейчас спрыгнет с лестницы, только предварительно сорвет со стены тяжеленный кованый карниз, которым стукнет маму по голове. Я тогда ужасно испугалась. Но как позже выяснилось, напрасно. Потому что вместе с рабочими, которые делали ремонт, исчезла и Марина.

А перед самым Новым годом я встретила ее на дизайнерском конкурсе, который организовал один интерьерный журнал. Надо было предложить вариант праздничной сервировки стола. Мы с девчонками из института решили подзаработать. Нет, мы были не дизайнерами, а просто выступили в роли «подай-принеси». Начищали посуду, утюжили скатерти, обрывали увядшие лепестки с цветов. Мне очень понравилось, было ужасно весело. И, главное, на этом конкурсе я встретила Марину, которая, кстати, заняла второе место.

У нее была очень оригинальная идея – она накрыла праздничный стол так, как будто это вечеринка в лесу. Ветки, шишки, простая керамическая посуда, из травы сделанная скатерть, на которой притаилось несколько крепеньких грибов-боровичков. Марина была потрясена, когда увидела, что я натираю ножи и вилки. Кстати, выглядит она просто потрясающе – еще больше похудела, отрастила волосы (мама бы точно сказала, что они нарощенные, но, увы, свои). Марина потащила меня пить кофе в буфет и начала расспрашивать. Нет, не о тебе. Обо мне. Я все честно и рассказала. И Марина предложила мне пожить у нее, тем более что она сама сейчас живет у какого-то знакомого (по-моему, она делает ему ремонт, и так всем удобнее). А главное, она пригласила меня поработать помощницей в ее дизайнерском бюро.

С той встречи прошло полгода. И я очень довольна своей жизнью. Мне ужасно нравится моя работа. Конечно, иногда голова к вечеру идет кругом от бесконечных встреч с заказчиками, от тяжеленных папок с образцами ткани. Я уже не говорю про напольные покрытия. Тут недавно возила образец плитки из сланца – так пока до машины дотащила, все боялась, что уроню кому-нибудь на ноги. Точно бы человека покалечила! И что удивительно, папа, пока я тащила этот огромный кусок камня, мимо прошли десятки мужчин и никто даже не остановился. Почему-то раньше желающих помочь мне было больше. А сейчас вот только одна Марина.

Солнце вдруг затянуло тучами. И с каждой секундой становилось все холоднее. Мишель подумала, что не успеет до того момента, как пойдет дождь, прочесть все письма. Впрочем, остальные были гораздо короче.

2002 год

Папа, сегодня я снова видела твою фотографию в газете. Ты плохо выглядишь – похудел и взгляд, извини за искренность, не такой уверенный, как раньше. Мама говорит, что ты стал ужасно нервный и чуть что, сразу срываешься на крик. Может быть, тебе стоит обратиться к врачу? А может быть, все дело в том, что в этом году тебе исполняется пятьдесят лет? Но я не верю, что тебя может волновать твой возраст. Ты же сам всегда уверял, что после пятидесяти жизнь только начинается. Мечтал бросить все дела и уехать жить на берег океана. Может быть, на Канары. Но по-моему, ты никуда не поедешь. Ведь у тебя другой план? Я права? Не буду врать, я видела тебя как-то на одном приеме – стояла буквально в

пяти шагах. Но ты был так увлечен разговором с коротко стриженной молодой девицей, что даже не заметил меня. Папа, кто это? Твоя новая секретарша? Или журналистка, которая пришла взять интервью? Правда, она выглядела так, как героиня журнала «Птюч». Знаешь такой? Ну, там еще печатают фотографии молодых людей с взъерошенными зелеными волосами. Слава богу, у твоей барышни были волосы нормального каштанового оттенка. Только очень-очень короткие.

Папа, я скучаю. Но чем дальше, тем больше я понимаю, что все идет так, как и должно быть. Теперь мне кажется странным, что раньше ты контролировал каждый мой шаг. Каждое твое решение я считала своим. Да, ты действительно гениальный руководитель и умеешь все сделать так, чтобы человек с восторгом и радостью исполнял любой твой приказ. Да, в первый год мне было трудно без твоего руководства. Но потом вдруг в какой-то момент я проснулась, глубоко вздохнула и поняла, что для жизни мне вполне хватит объема только моих легких. Кстати, я в который раз вспомнила твой рассказ о том, как в семнадцать лет ты уехал один, без денег, без всякой поддержки учиться в Москву. И все у тебя получилось. Так что, папа, я твоя дочь. Извини, больше не могу писать. Очень хочу спать.

2003 год

Ненависть иногда помогает жить гораздо больше, чем любовь. Нет, не так. Помогает только та ненависть, которая возникла после того, как ушла любовь. Снова не то. Как найти самые точные слова? Попробую еще раз. Итак, недавно я поняла, что самое мощное горючее для движения вперед – это смесь ненависти и любви. Когда никто не может понять, чего на самом деле больше.

Я только сейчас начала понимать, почему Марина решила помочь мне. А недавно появился еще один такой человек – Иван Игоревич Седов. Помнишь его? Кстати, в девяностые – твой лучший друг. Я, конечно, об этом знаю только со слов мамы. Как и о том, что, если верить слухам, именно в те годы один из вас пытался застрелить другого. Что-то вы не поделили. Интересно, что нужно делить, чтобы желать смерти друг другу? Деньги, власть? У вас же все это было. Я не верю, что ты мог пойти на такое. Ты, который всегда так гордился своим умением договариваться и «разруливать». В любом случае, извини за цинизм, хорошо, что оба вы остались живы. Потому что Седов дал нам с Мариной денег на то, чтобы мы расшили дизайн-студию. И так как он «мой человек», то я становлюсь полноправным партнером. Хотя, конечно, я отлично понимаю, что он никакой не мой, а твой человек. Твой враг. Твой бывший друг. Я же говорила тебе, папа, ненависть иногда помогает жить.

2004 год

Я много раз спрашивала тебя, почему ты решил меня так необычно назвать – Мишель. Ох, чего я только не натерпелась в детстве – меня звали и Машкой, и Мишкой. И еще бог знает как. Хотя ты говорил, что так звали какую-то актрису – то ли Мишель Мерсье, то ли Мишель Пфайффер. Ты каждый раз путался в ответе. Но тебе нравилось, как звучит – Мишель Ардова. Так вот, папа, я решила взять мамину фамилию, вернее, бабушки с материнской стороны – Воронина. Мне надоело, что, услышав мою фамилию, люди считают своим долгом непременно поинтересоваться: «А это ваш папа?» И называют твое имя. Я, правда, втайне надеялась, что выйду замуж и сменю фамилию. Но что-то претендентов на руку твоей дочери пока не находится. Хотя в двадцать четыре года пора бы подумать о семье.

Да, папа, чуть не забыла. Извини, ты выглядишь смешным, разгуливая повсюду с этой барышней из журнала «Птюч». Конечно, она немного отрастила волосы. Да и одеваться стала попримечнее. Но все равно вы вместе выглядите нелепо. Никогда бы не подумала, что ты поддашься этой чудовищной моде и закрутишь роман с девушкой, которая по возрасту годится тебе в дочери. Я не писала бы так резко и грубо, если бы у меня была хоть какая-

то вера в то, что ты прочтешь мои письма. Но зачем они тебе сейчас? Ведь ты наверняка живешь в ожидании записочек «целую, мой зайка», «скучаю, твоя рыбка». Хотя, справедливости ради, надо сказать, что это я должна писать подобные слова молодому человеку, а не мой папаша ждать их от юной нахальной барышни. Кстати, откуда она взялась? Я спрашивала у мамы, но ей, по всей видимости, все равно. Неужели и ее поразила эта всеобщая инфекция любви-ненависти по отношению к тебе? Правда, она уверяет, что все разговоры о тебе и этой девушке – только лишь сплетни. А сама мама не на шутку снова увлеклась оперным пением. Она, бедная, верит, что после сорока лет можно начать все сначала. В том числе и профессиональную карьеру. А может быть, она права? Но как бы «современно» я сейчас не рассуждала, мне жаль тебя, папа. И я даже стала думать о том, что не надо было мне уходить. Наверное, это был слишком сильный шаг. Настоящие мужчины такого не прощают. Но ведь тогда я была еще совсем глупая и даже не подозревала о том, что сила действия равна силе противодействия. А в человеческих взаимоотношениях ответный удар почти всегда во сто крат мощнее. Слишком сложно пишу? Прости, как умею.

2005 год

Поздравляю тебя, папа. Оказывается, уже почти год, как у меня есть брат. Надеюсь, что ты совершенно счастлив. Мы с мамой на днях встречались в кафе, и она сказала, что ты ведешь себя прекрасно. Даже предложил пока не разводиться. Я долго слушала ее рассказ и не могла понять, почему она так спокойно реагирует на то, что в твоей жизни появилась не только очередная любовница, но и ребенок. Но не понимала ровно до того момента, пока за наш столик не присел приятного вида мужчина с бородой, чем-то неуловимо похожий на геолога. Но он оказался никаким не геологом, а преподавателем по вокалу. Итак, мама влюбилась в учителя пения. Bravo! После адвоката это, конечно, самая подходящая кандидатура, так сказать, для контраста. Я кажусь тебе жестокой, папа? Ну что делать, я же твоя дочь. У меня дела идут блестяще. Мы с Мариной разделили бизнес – она стала больше заниматься архитектурой, а я – декором. Теперь я владелица собственной дизайн-студии MISHA. Многие смеются, когда, придя на первую встречу, вместо некоего Миши видят меня. Так что имя, тобой придуманное, пригодилось и в достижении бизнес-целей. Но я знаю, как ты ко всему этому на самом деле относишься. Мне недавно передали твои слова: «Вместо того чтобы заниматься своим домом, она обслуживает чужих людей». Да, папа, ты прав. Своего дома у меня так и не появилось. А вот съемная квартира выглядит почти роскошно.

2006 год

Папа, я больше не хочу работать. Ты удивлен? Но я очень устала. Заказчики сводят меня с ума. А их сумасшедшие жены? Господи, все люди словно разом помешались на дизайне и вообразили, что сами отлично в нем разбираются. Думаю, что если бы они наняли декорировать дом, например, Филиппа Старка, то, послушав его ровно пять минут, начали командовать: «Значит, так, Филя, делать нужно вот что!» Особенно рьяно давала бы уроки мастерства жена хозяина дома. А с другой стороны, что ей еще делать, как не за собственные деньги давать мастер-класс звезде мирового масштаба?

Спасает меня только школа, которую мы открыли вместе с Мариной. Правда, и там все пропитано ложью. Это если сказать поэтично. А если попроще, то теория сильно расходится с практикой. Мы за немаленькие деньги учим всех этих восторженных девочек тому, как декорировать мир вокруг себя. Мы внушаем им, что нужно стремиться ко всему подлинному, что необходимо выбирать исключительно натуральные материалы. Но при этом отлично знаем, что как только они начнут выполнять реальные заказы, то столкнутся с тем, что все натуральное слишком непрочное и уязвимое. Настоящие деревянные полы чутко реагируют на влажность и рассыхаются – значит, надо выбирать практичный ламинат. Натураль-

ные ткани легко мнутся и быстро выгорают – значит, да здравствует синтетика! И так можно продолжать до бесконечности! Так хочется, чтобы все было по-настоящему, но постоянно приходится идти на компромиссы. Кстати, папа, в моей личной жизни все происходит по такому же точно сценарию. Все знают, что в меня уже который год страстно влюблен архитектор Кирилл Высоковский. Я и сама в какой-то момент поверила в то, что эти чувства – настоящие. Увы. Понадобилась всего одна встреча на его территории и несколько бокалов шампанского, чтобы понять: дома Кирилл строит лучше всех в Москве, а вот отношения с женщиной ему не под силу. Правда, он обещал лечиться. От чего? От того, что ему в принципе никто не нужен – ни мужчины, не женщины? Для таких людей даже модное слово придумали – «асексуал». Это я рассказала, так сказать, о серьезных отношениях в моей жизни. А про сиюминутные приключения, которые есть в жизни любой молодой женщины, тебе слушать будет неинтересно. По жанру это обычный сериал, в котором один участник легко заменяется другим.

P. S. До сих пор не понимаю, как подобное именно со мной могло произойти? Я так долго стремилась к тому, чтобы доказать тебе, что я сама все могу, что я способна жить и без твоей помощи! И у меня получилось! Но вот странно, папа. Почему-то вместе с успехом пришла усталость. Я только сейчас поняла смысл фразы «победителей не судят». Зачем их судить, если они и так еле живы?

2007 год

Иногда я ужасно хочу тебе позвонить. Но, не поверишь, боюсь. Мама говорит, что при встречах она рассказывает тебе обо мне. Ты вежливо выслушиваешь. Но только и всего. Неужели ты не хочешь меня видеть? Наверное, дело не в этом. Просто мы с тобой за эти годы привыкли так жить – параллельно. Мама уверяет, что ты больше не обижаешься на меня. Но у тебя столько проблем! И с твоей барышней, и с ребенком. Барышня немного надоела, сына обожаешь. И совершенно не знаешь, как эту ситуацию «разрулить». Конечно, ты хочешь рубануть по привычке, то есть жестко настоять на своем. Но один раз ты уже так сделал. И обжегся. Ведь тебе даже в голову не могло прийти, что я просто соберу вещи и исчезну. Теперь я могу открыть тебе секрет – я ушла вовсе не из-за Никиты. Я не могла простить твоего тона и того, что ты меня выгоняешь. В тот момент для меня это было равносильно предательству. И одно дело, когда ты так поступал с бизнес-партнерами, с друзьями, с любовницами. В такие моменты я даже не сомневалась, что прав один человек на свете – ты. Но когда это коснулось меня, то я сорвалась. Но я скажу тебе честно – сейчас бы я так не поступила. Я бы сжала зубы и пережила твое внезапное предательство. Ведь его на самом деле так много в мире. Да что там много! Жизнь буквально пропитана предательством. И надо ценить те крошечные островки, куда по какой-то чудесной случайности оно не проникло. Но я, наивная дурочка, думала, что наша семья – это именно такой волшебный остров, на котором солнце светит круглый год и все друг друга любят. Извини за романтический бред. Сегодня открывали новый офис дизайн-бюро – роскошный, в центре города, в доме девятнадцатого века. Немного выпили шампанского с коллегами и партнерами. Все прошло на высшем уровне, тебе точно понравилось бы.

2008 год

Когда мне было семь лет, мы все вместе – ты, я и мама – ездили на Черное море. Боже, как давно это было! Но последнее время я почему-то очень часто вспоминаю одну сцену. Мы плыли на пароходе. Был прекрасный день. Светило солнце. Я сидела на палубе, крепко держась за поручень, и смотрела на воду. «Мишель, осторожно, не упади», – услышала я твой голос и обернулась. Ты, улыбаясь, шел ко мне. Я была поражена тем, что твои глаза, обычно ярко-голубые, стали прозрачными. Может быть, потому, что в них отражались перламутро-

вые волны. И на меня вдруг нахлынуло ощущение безграничного счастья. «Папочка, у тебя глаза, как янтарики», – сказала я. «Глупая, – засмеялся ты. – Разве янтарь бывает голубого цвета? Вот поедem в Прибалтику, я куплю тебе янтарные бусы, и тогда ты узнаешь, что этот удивительный камень может иметь миллионы цветов и оттенков – почти от белого до темно-коричневого. Но только вот голубого янтаря не бывает».

Когда мне становится невыносимо одиноко, я всегда вспоминаю тот день. Интересно, хотя бы еще раз в жизни я услышу эти слова: «Осторожно, Мишель, не упади»? А так у меня все по-прежнему – много работаю, иногда ввязываюсь в короткие более или менее романтические приключения. Кстати, в Прибалтику мы с тобой почему-то так никогда вместе и не съездили. И я теперь думаю: а вдруг голубой янтарь все-таки существует? Только в очень ограниченном, или, как сейчас говорят, лимитированном количестве? И на всех его, увы, не хватает...

2009 год

Мне скоро тридцать. Пора подводить итоги. И я начну свое письмо с конца, с той фразы, которую должна была написать последней. Папа, я хочу с тобой помириться. Я не могу дальше жить вдали от тебя. Я все решила. Третьего сентября позвоню и скажу: «Прости меня, папа, за то, что меня не было рядом с тобой так долго, эти бесконечные десять лет. Прости, что я не познакомилась с твоей новой женой – милой, слишком современной девушкой. Прости за то, что я не была на крестинах своего брата. Он, наверное, забавный? Знаешь, раньше мне казалось, что десять лет – это так много. Что за эти годы столько всего произойдет! И что в тридцать лет у меня все будет по-другому. Во-первых, я выйду замуж. Во-вторых, рожу ребенка, может быть, даже не одного. В-третьих... Если честно, то именно это надо было писать первым пунктом. В общем, мне казалось, что к тридцати годам я стану известной художницей, и мои выставки пройдут по всему миру. Но сейчас я оглядываюсь назад и понимаю, подобную мечту за меня придумали другие люди: ты, мама, друзья, знакомые... Никто не сомневался, что с твоей помощью именно так все и будет. В крайнем случае я стану хозяйкой художественной галереи и буду продавать картины самых модных художников. Нет, про такой план никто вслух не говорил, но он подразумевался на тот случай, если мне вдруг надоеет часами напролет стоять возле мольберта. Смешно... Я написала все это, перечитала и сама поняла – какая глупость! Никто не знает, что произойдет с ним не только через десять лет, но даже через десять секунд. Извини, папа, я должна заканчивать свое письмо. Впрочем, больше все равно писать нечего. В личной жизни все тоже самое – архитектор безуспешно лечится от равнодушия, случайные поклонники появляются и исчезают, секс-партнеры очень быстро превращаются в друзей. Правда, однажды мне показалось, что мужчина имеет все шансы на то, чтобы никогда не стать для меня просто еще одним «хорошим другом». Но очень быстро выяснилось, что я снова ошиблась. К тому же он женат. А подобная история не для меня. Да, ты всегда умел присвоить себе номер один, даже в жизни нескольких женщин одновременно. А мне в этом намечающемся сюжете сразу был присвоен второй номер. Так что, как говорится, без вариантов.

«Без вариантов...» Мишель терпеть не могла эту фразу и, когда слышала ее, всегда мысленно спорила: как это, нет вариантов? Она не привыкла сдаваться, а фраза эта означала только одно – капитуляцию. Впрочем, когда Мишель писала письмо ровно год назад, то не знала очень многого. Например, что следующего письма не будет, а своего настоящего отца она никогда не увидит. И это, действительно, без вариантов.

Глава 2

Москва. Несколько недель назад

– Мишель, у меня для тебя есть подарок. – Мама достала из сумочки и нерешительно протянула диск в черно-белой обложке, на которой ярко-красными буквами было написано «Светлана Воронина. Русские песни и романсы».

– Здорово! – кивнула Мишель и улыбнулась.

Это была ее обычная, дежурная реакция: чтобы ни произошло, надо дружелюбно улыбнуться и сказать именно это слово – «здорово». И взять таким нехитрым способом паузу на размышление и понять, как действительно стоит реагировать в сложившейся ситуации. Искренность никогда не может быть первой реакцией – это правило Мишель твердо усвоила за прошедшие года. И оно касалось не только бизнеса, но даже отношений с родной матерью.

Как всегда, они встретились в кафе, пили чай и ждали, когда придет Борис, который должен отвезти Светлану Петровну на репетицию. Ведь сама она ни за что в жизни не смогла бы добраться до нужного ей места. При слове «метро» мама брезгливо морщилась, а при слове «такси» испуганно вздрагивала, а водить машину так и не научилась.

– Бо́рис говорит, что получилось неплохо, но со следующим диском надо бы побольше поработать, – сказала мама с такой важностью, как будто речь шла не об обычном диске, который вдруг после разрыва с мужем решила записать брошенная жена, а, по меньшей мере, о войне и мире. И ударение в имени Борис она почему-то сделала на первом слоге.

– Мам, а это очень дорого? – поинтересовалась Мишель.

Светлана Петровна неторопливо отставила чашку и задумалась, перебирая кольца на левой руке, каждое из которых Мишель помнила с детства. То, которое на безымянном пальце, с большим голубым топазом, отец подарил матери на день рождения. На среднем пальце сверкало кольцо из желтого золота – гладкое, как лента, в которую впаяны пять довольно крупных бриллиантов. Когда-то именно Мишель помогла матери его выбрать, настояв именно на таком неброском дизайне. Кажется, ей было тогда лет десять.

– Знаешь, Борис говорит, что сейчас все подорожало, но на подобные вещи денег жалеть нельзя. Я и так столько лет молчала... – наконец произнесла Светлана Петровна и жалобно улыбнулась.

«Ну конечно, – неожиданно зло подумала Мишель, – на деньги, которые отец выделяет ежемесячно, и не так запоешь. Странно, что этот Борис еще не арендовал Большой зал консерватории для того, чтобы организовать концерт моей матери».

Она пристально взглянула на мать и впервые осознала, насколько же они похожи. Те же темно-синие, слишком яркие, а потому особенно выразительные глаза. Густые, темные, почти черные волосы – только у Светланы Петровны они были собраны в аккуратный узел, а у Мишель небрежно рассыпаны по плечам. Несмотря на разницу в возрасте, даже фигурами они были схожи – в меру высокие, стройные. Но не спортивного типа, а того, который считается не очень современным. Когда все на месте и без излишеств – «грудь-талия-бедра». Вот только в лице у матери светилась нежность, которая была сродни покорности. И это делало ее очень женственной. Даже слишком – до приторности.

– Мам, а почему ты так странно его зовешь – Бо́рис? – едва сдерживая раздражение, поинтересовалась Мишель.

– Он попросил. Его так звала мама. Поэтому ему приятно. Но мне же не трудно, правда? – улыбаясь, тихо ответила Светлана Петровна.

Мать никогда не делала то, что трудно. Она не спорила с отцом, потому что это требовало сил. Она не помешала ему выставить Мишель за дверь, потому что сопротивление его железной воле тоже требовало усилий. Ведь это, на самом деле, так удобно – покориться раз и навсегда.

– Мам, но как ты допустила, что отец ушел к этой девчонке? Я до сих пор понять не могу...

– Да и не надо, Мишель. Ты уже взрослая и прекрасно знаешь, что удерживать кого-то – совершенно бессмысленное занятие. Человек все равно уйдет. Или будет врать. Ради чего?

– Как ради чего? – опешила Мишель. – Ради того, чтобы была семья, ради того, что...

Она и сама не могла внятно объяснить, ради чего мама должна была оставаться рядом с отцом, и зачем она, Мишель, вообще именно сейчас затеяла этот разговор – ведь со времени их расставания прошло уже несколько лет. Они не разводились, а нашли удобную для всех формулу существования – жить параллельно. Но Мишель вдруг показалось, что все эти годы ее мать обманывают – и отец, и Борис, и девушка в стиле журнала «Птюч». Все-все! Ей стало обидно за нее, поэтому она ответила резко, даже грубо:

– Ну, не стоит же ломать все в жизни только ради того, чтобы уйти и пригреть рядом с собой этого идиота-Бо'риса. Сколько платят учителю пеня?

Мишель хотела защитить мать, а сделала ей только больнее.

Глаза Светланы Петровны наполнились слезами, и она посмотрела вверх, чтобы не потекла тушь. Потом вздохнула и сжала руки.

– Мишель, ты очень жестокая. Очень. Ты не была раньше такой, – прошептала мать. – Кому плохо от того, что я пою? Разве это кому-то мешает? Скажи мне!

– Извини, мама, я не хотела. Просто я волнуюсь. Извини. Я очень сильно устала. Сейчас вот съезжу на Бали, поработаю, отдохну...

Мишель решила сразу не говорить матери, что уезжает года на два – именно столько времени потребуется им с Кириллом Высоковским, чтобы оформить новый СПА-отель в далекой теплой стране. Мишель надеялась, что там она отдохнет, согреется и наконец-то избавится от выматывающего ощущения бесконечной усталости. А там, глядишь, и отношения с Кириллом придут в норму, то есть исчезнут как бы сами собой. Потому что в какой-то момент Мишель показалось, что этот бесконечный публичный роман без секса и является главным виновником всех ее личных неудач, ведь он занимает слишком много места и не позволяет появиться ничему новому. Настоящему.

– Ты надолго уезжаешь? – забеспокоилась мать ровно настолько, насколько она вообще умела беспокоиться.

– Не знаю, как пойдет, – пожала плечами Мишель и достала кошелек, чтобы расплатиться по счету. Борис задерживался, но она больше не могла его ждать, потому что боялась опоздать на важную встречу с клиентом. – Да, мам, я тут подумала. Все это такая ерунда... Надо бы мне помириться с отцом. Как-то глупо все получилось...

Мишель словно на бегу сказала эти слова и сама удивилась. Ведь мимоходом она назвала глупостью все, что произошло в ее жизни за последние десять лет. Глупо, что она стала одним из самых модных декораторов Москвы. Глупо, что личная жизнь ее так и не сложилась. Глупо, что за эти годы она превратилась в жесткую, деловую женщину. Красивую, но, судя по личным результатам, не особенно привлекательную для мужчин.

– Мишель, я знаю, ты страдаешь... – высокопарно, как на сцене, начала Светлана Петровна.

– Мама, прошу тебя, – поморщилась Мишель, которая терпеть не могла театральные приемы в реальной жизни. – Я абсолютно не страдаю. Просто я скучаю по отцу. Особенно в последнее время. Может, старею.

Мишель иронично улыбнулась, достала тысячную купюру из кошелька и положила в темно-коричневую кожаную папку со счетом.

– Мишель, я, наверное, должна была тебе сказать об этом раньше, – Светлана Петровна снова начала нервно теребить кольца. – Я думала сказать тебе после дня рождения. Но раз ты уезжаешь... Да и Бо'рис считает, что ты уже большая. Даже не знаю, как начать. Я даже пыталась написать тебе письмо, но в письме так глупо все получается.